

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2026 К. В. Цеханская
Москва, Россия

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ КИРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЦЕХАНСКОЙ- СТАРШЕЙ (1917–2012)

Аннотация. В публикуемых воспоминаниях описываются судьбы и повседневность представителей дворянского сословия в послереволюционный период, а также жизнь одной семьи в 50-е годы XX в. На основе биографических данных представлена картина борьбы за выживание представителей исчезнувшего класса в новых исторических условиях.

Ключевые слова: воспоминания, дворянская семья, послереволюционное время, повседневность, послевоенный период, репрессии.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Семейные хроники: Воспоминания Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012). Публикация и комментарии К. В. Цеханской // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 101–119

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirilla2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 101–119
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 82.941; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/101-119>

Предисловие

Воспоминания, эпистолярное наследие, дневниковые записи составляют важнейшую часть не только узкосемейного, но и национального исторического наследия.

И отдельно, и в своей совокупности они позволяют произвести точный, аутентичный культурно-антропологический анализ прошлого и увидеть не только трагизм, но и сложное многообразие ушедшей эпохи, в данном случае – советского времени.

Несомненно, из ярких или обыденно скромных воспоминаний людей советского прошлого не только воссоздается бытовая, культурная, часто драматическая канва истории – и личной, и общественной, но также определяются созидающие энергии времени со всеми их плюсами и минусами.

Воспоминания о советском жизнеустройстве, о судьбах людей позволяют укрепить духовную связь поколений, сохранить преемственность семейных традиций и ценностей, но главное – они помогают осознать, как важно оставаться человеком в любой обстановке, в любом лихолетье времен.

Воспоминания моей мамы – Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012) писались начиная с 1997 г. с перерывом в два-три года.

Мама всю жизнь проработала в КБ «закрытого» военного завода, поскольку закончила Московский авиационный институт и была отличным инженером-конструктором. Ее аппараты «летали» спустя много лет после ее ухода на пенсию. Мама умерла в возрасте 95 лет в 2012 г. и похоронена на Введенском (Немецком) кладбище.

Судьба моего папы – Владимира Ивановича Цеханского (1907–1993) – сложилась очень непросто, он прошел тернистый путь: репрессии 1932 и 1951 гг., ссылка, война, плен – в 1955 г. он был реабилитирован и вернулся в Москву. При получении паспорта спросили: «Какой Вам выдать паспорт – постоянный или временный?» Он сказал, что, конечно – постоянный. Однако это была ошибка. Паспорт выдавался на основании предоставленного документа, а это был документ о пребывании в Костромском лагере. Такая пометка известна всем отделам кадров. Надо было взять временный, а затем, уже на его основании, получить «чистый» документ. Поэтому несколько лет нигде не удавалось устроиться на работу. Узнали об этом много позже. Помог с паспортом Сергей Владимирович Михалков, у которого папа последние годы работал секретарем. Папа умер в 1993 г., похоронен на Введенском (Немецком) кладбище.

Вниманию читателей предлагается фрагмент «Воспоминаний» – с дополнениями и исправлениями¹.

Герб рода Местергази

Семейные хроники: Воспоминания Киры Владимировны Цеханской-старшей (1917–2012)

Свои воспоминания я хочу начать с краткого изложения своего происхождения.

Я, Кира (1917 г.р.), как и мой старший брат Алексей (1913–2001 гг.) и младший брат Михаил (1918–2000 гг.) родились в дворянской семье. Старший брат родился в Царском Селе и был наречен Алексеем в честь своего деда со стороны матери – Алексея Андреевича Лосева. Младшему брату, по просьбе отца, было дано имя Михаил в честь другого дедушки – Михаила Казимировича Местергази. Брат, как и я, родился в Калуге.

Дедушка (отец моего отца) Михаил Казимирович Местергази умер в 1910 году. Он был в чине генерала артиллерии. Участвовал в Турецкой кампании, был кавалером многих орденов и медалей. Похоронен в Калуге, на Крестовском кладбище, которое в 30-е годы XX века превратили в строительную площадку и все было снесено. Кладбище было при мужском монастыре. Я помню, что когда мы ходили на могилы, то часто встречали монахов, которые ухаживали за фруктовым садом, который находился с другой стороны от кладбища. На этом кладбище, кроме дедушки, были похоронены бабушка, его жена и две дочери.

Очевидно, в период между 1913 и 1917 годами мой отец – Владимир Михайлович (старший сын) – заказал в Петербурге памятник. Это был камень с человеческий рост из черного гранита. Форма в миниатюре была в точности наподобие постамен-

Кира Владимировна Цеханская-старшая. Все фотографии из личного архива автора

та к памятнику Петру I в Петербурге. В углублении по идее должны были стоять образ и лампада, но это уже сделать не успели. Камень стоял на большой бетонированной плите. Уже позднее, когда из братских корпусов устроили детский сад, к могиле бабушки была проложена ухоженная дорожка, а в углублении камня вместо иконы стоял портрет Сталина. Очень долго камень не могли сдвинуть с места, настолько он был тяжел и фундаментально смонтирован. Позднее, в 30–40-е годы, камень исчез, а все кладбище застроили жилыми корпусами. В свое время о переносе могил не могло быть и речи. Не было ни материальных средств, ни возможности поднять голос в защиту праха «царского» генерала и его семьи.

Род Местергази записан в 3-ю дворянскую родословную книгу, и по документам, хранящимся у Алексея (старшего моего брата), впервые род упоминается в царствование Николая I. При Александре II мой пращур был произведен в полковники. Род Местергази имеет корни от венгров (по рассказам старших). Перед революцией и до нее Местергази жили в Калуге. Были небогаты. Имели небольшое имение под Калугой (Перцово) и два дома в Калуге – один из них принадлежал отцу моей бабушки (Софьи Владимировны) – врачу Владимиру Егоровичу Кричевскому, а другой – моему деду – генералу Михаилу Казимировичу Местергази.

Михаил Казимирович имел трех сыновей – Владимира, Михаила и Василия. Две дочери умерли: одна в младенческом возрасте, 7 лет (Софья), дру-

гая, Ольга, умерла в 17 лет от менингита.

Наш дед со стороны мамы тоже был военным, служил в Кирасирском полку, к которому был приписан государь Александр II. После рождения моей мамы в 1885 году он вышел в отставку в чине полковника и со своей женой – Лидией Павловной (урожденной Павлицевой), моей бабушкой, уехал из Царского Села в свое имение в Орловской губернии, где умер, когда маме было 7 лет. В моем метрическом свидетельстве от 1917 года сказано, что моими восприемниками (крестными отцом и матерью) были сенатор Александр Александрович Офросимов и жена генерал-майора Софья Владимировна Местергази. Наша семья, лишившаяся всего во время революции 1917 года (тогда, в моем детстве, официально это событие называли Октябрьским переворотом), пережила вместе со всем русским народом все ужасы сталинщины и временщиков советской России. Раннее детство, юность, да и часть зрелых лет были украдены у нас этим временем.

Одному Богу известно, как нашей матери удалось не только сохранить нам, троим ее детям, жизнь, но и воспитать в нас любовь к людям, любовь к труду и своей Родине, и все это в необычайно трудных моральных, физических и материальных условиях. Мать была человеком необыкновенной в наше время порядочности, честности, неподкупности. Она сумела эти трудные годы остаться сама собой и сохранить свое собственное я. Но об этом позже. Да будет благословенно ее имя!

Я родилась накануне Октябрьской революции

(7 сентября, а по старому стилю 25 августа) в Калуге, в доме, принадлежащем моим дедушке и бабушке – Михаилу Казимировичу и Софье Владимировне Местергази – родителям моего отца Владимира Михайловича Местергази. Дом, который был первым моим земным приютом, находился на углу тогда Московской (теперь – ул. Ленина) и Дворянской улиц (теперь – ул. Суворова, еще до этого она называлась ул. Глеба Успенского). Дом не сохранился, на его месте после войны 1941 года был построен кирпичный 4-этажный ничем не примечательный дом.

В моей памяти сохранился одноэтажный особняк, во дворе которого помещалась кухня – довольно просторный дом, где в прежние годы жили кухарка и кучер. Двор был мощенный булыжниками, в конце его – конюшня. Калитка и ворота выходили на ул. Московскую (теперь – Ленина). Позднее часть булыжника сняли, и на этом месте мама в 1919 году сама развела огород, который был для нас большим подспорьем. Так как мы, дети, все были еще малышки, то мама завела корову Пригожку, кормившую нас какое-то время. Она была цвета беж, кажется, с подпалинами и очень ласковая. Но времена менялись быстро. Вскоре, очевидно, в 1919 году, нас из этого дома выселили. Деваться было некуда. К тому времени семья состояла из мамы, троих детей, бабушки Софьи Владимировны и гувернантки еще нашего отца – Юлии Леонтьевны (Леопольдовны) Насс.

Отец в середине 1918 года уехал в Крым, чтобы позднее перевезти всю семью в дом, который ему принадлежал в Ялте. Мама в то время ждала рождения младшего брата и не поехала с ним. Это было последнее ее прощание с мужем. Больше отца никто из нас не видел. Он попал в волну ужасного «бега», позднее описанного в литературе, он его захлестнул. Очевидцы рассказывали маме, что отца видели входящим по трапу на один из последних пароходов, отходящих в Турцию. На руках он нес больного старика. Вещей при нем не было. Связь была оборвана.

Позднее, в 1923 году, мама получила официальную справку от константинопольского профессора о том, что он оперировал отца по поводу гнойного аппендицита. Умер от перитонита. Операция была сделана слишком поздно. После операции он прожил еще шесть дней. Отец, очевидно, бедствовал, как и все эмигранты, и его высшее образование, которое он получил в России, окончив факультет восточных языков, оказалось никому не нужным. После его смерти дядя Вася (его младший брат) на могиле, где был похоронен отец в Константинополе, поставил крест и ограду. Фотографию могилы он прислал маме, и она хранится у меня вместе со справкой о его смерти (Греческое кладбище на Шишли).

Итак, после выселения мы оказались без крова. Что делать? В помещении кухни были свободны две маленькие комнатухи, куда решили поместить больную Софью Владимировну – бабушку и тетю (так мы звали Юлию Леонтьевну, добрейшего человека, тесно связанного с нашей семьей). Позднее она во многом помогала нам, когда сама переехала в Москву к племяннице Агнессе Васильевне Рингель на Солянку и стала преподавать немецкий язык. Умерла она у мамы в Калуге в 1943 году. Я привезла ее из Москвы в начале 1941 года.

Мама же и трое детей оставались без крова. Но свет не без добрых людей. Через дом от нас (следующий дом принадлежал внукам Л. Н. Толстого) жили некие Новицкие: муж – Григорий Александрович, жена – Варвара Алексеевна и ее сестра. Детей у них не было. Они и приютили нас. Дом Новицких состоял из нескольких жилых комнат, кухни, маленькой комнатки, где жила кухарка с дочерью Зиной, позднее ставшей нашей няней. Маме отдали довольно просторную комнату, очевидно, бывшую гостиную, с белым камином и холодной прихожей. Две комнаты в доме занимала чета Новицких. Мне было тогда два с небольшим года, но я хорошо помню свою кроватку. Помню, как по стенке (очевидно, я плохо еще ходила) пробиралась в кухню, чтобы узнать, где моя мама, но чьи-то руки схватили меня, и я со страшным ревом была водворена в свою комнату.

Мама в то время работала в жилкоме (что это значило, я не знаю, но это название я помню). Позднее мама стала работать в какой-то военной организации, кажется, в бухгалтерии. Она стала получать пайки – пшено, подсолнечное масло, муку. Это было для нас сытым временем.

Но началась безработица, да к тому же мама была падчерицей бывшего калужского губернатора Александра Александровича Офросимова. В Калуге об этом, конечно, все знали, и она попала под сокращение. Бабушка к тому времени умерла, и мы переселились в дом, который раньше принадлежал моему прадеду – отцу бабушки Софьи Владимировны Местергази (в девичестве Кричевской) – Владимиру Егоровичу Кричевскому, калужскому врачу, который создал в Калуге первое терапевтическое общество врачей. После себя он оставил записки, которые в рукописи находятся в семье моего младшего брата Михаила. В машинописном виде – у всех нас троих. Они относятся к концу XIX века.

Дом Владимира Егоровича был следующим за угловым домом Местергази по улице Дворянской. Эти дома соседствовали через очень просторные запущенные старые дворянские сады с вековыми липовыми аллеями. Там был уникальный дуб в несколько детских охватов, тополь, еще более объемистый, и просторный запущенный колодец, который

был выложен деревянными досками, к тому времени уже почерневшими и кое-где обвалившимися. Дом снесли в 70-е годы XX века. Во времена моего детства он выглядел так: в середине дверь (парадная), по обеим сторонам по два окна, наверху светелка с двумя окнами. Дом имел две комнаты справа, две комнаты слева, переднюю, далее проходная – в мое время там была столовая, затем небольшой коридор, кладовая и подвал, направо – ванна и уборная вместе и кухня. Слева в этом коридоре был выход на открытый балкон, выходящий в сад. За домом справа был двор с большим сараем и чердаком, куда мы, дети, забирались и рассматривали с удовольствием всякую рухлядь и книги, которые не могли поместиться в доме и лежали там в ящиках.

Так как у меня не было сестер, то все свое детство я провела среди мальчиков и их друзей. Мы устроили площадку на дворе, играли в крокет, в лапту, догонялки. Сад был заросший крапивой, которая вырастала выше человеческого роста. В этих зарослях мы прокладывали, как мы называли, тайные ходы, делали шалаши и играли в разбойников. Часть сада, непосредственно прилегающая к дому, была более ухоженной. Перед балконом была большая круглая клумба, где мама сажала цветы, здесь же росла большая голубая ель и единственная яблоня «карабовка» со сладчайшими яблоками. Этот сорт яблок сейчас нигде не встречается. В то время мы почему-то потихоньку от взрослых трясали яблоньку и собирали чудесные медовые плоды, которые здесь же уничтожались. Второе плодовое дерево была черная рябина с какими-то особыми темно-бордовыми ягодами, тоже очень сладкими.

Слева от дома росла громадная ель и под ней была скамейка, куда мама и тетя (фрейлина Юлия, как называли ее отец и дяди) любили ходить по вечерам и, очевидно, наедине обсуждать наболевшее, они это называли «выть на луну».

Мы заняли две комнаты слева и проходную – столовую. Наверху жила тетя, там были две маленькие комнатки. Лестница вверх вела из столовой. Позднее, когда тетя уехала в Москву, там поселили в порядке «уплотнения» какого-то военного с женой из деревни. В один прекрасный день оказалось, что она украла вещи тети, которые оставались наверху. Затем это помещение заняли некие Молчановы. Справа в доме две комнаты занимал мой дядя Миша – средний брат отца, окончивший биологический факультет Московского университета. Жили они с женой Ольгой Алексеевной, преподавателем истории. Первый раз дядя Миша был женат на художнице – тете Лине (фамилии не помню), которая затем жила в Москве на Арбате в Плотниковом переулке в подвальном этаже. Как рассказывала тетя, связи с ней он не терял вплоть до войны.

Второй раз он был женат на Ольге Алексеевне Теофилактовой. Затем дядя Миша уехал в Москву, стал профессором Московского университета, у него в 1925 году родился сын Май. Дядя Миша был идейным коммунистом-ленинцем. В юности, будучи студентом, он нанимался кочегаром и ездил на свои средства по белу свету, отказываясь принимать помощь от отца. Таким образом он объехал множество стран и в конце жизни говорил мне, что ему надо было быть географом, а не биологом. Во время войны он эвакуировался с семьей в Томск, где стал ректором университета.

Его сын Май во время Великой Отечественной войны ушел добровольцем в Армию и воевал, получил тяжелое ранение и контузию в голову, сделался инвалидом, но все же сумел закончить, кажется, Энергетический институт по специальности «турбины» и до последнего времени работал на ответственных участках как инженер-турбинист. После возвращения в Москву дядя написал докторскую диссертацию, но «лысенковцы» требовали изменить содержание, касающееся наследственности. Так как дядя Миша был человеком честным и принципиальным, он отказался. Это было его убеждение. Диссертация оказалась незащищенной, а дядя Миша получил тяжелейший инфаркт и в 1954 году умер. В свое время революцию он принял с восторгом: ездил на вокзалы, в общежития, армейские части, читал лекции и разъяснял народу суть происходящего. Когда в 1925 году у него родился сын, он назвал его Маем – месяцем, который был связан с подъемом рабочего движения.

В доме бабушки, Владимира Егоровича, мы прожили до конца 20-х годов. До этого времени я была еще мала и плохо разбиралась в происходящем. Это было время, когда возродился НЭП и мама имела возможность менять оставшиеся вещи на продукты. Помню, как к Пасхе уникальная хрустальная ваза эпохи Александра I была обменена на окорок, старьевщик Алим приходил со своим мешком за плечами и за бесценнок покупал бронзу. Чудесные старинные бронзовые часы с амуром и боем были также обменены на ржаную муку. Народной артистке Надежде Андреевне Обуховой продали поповский² чайный сервиз с кленовыми листьями. Несколько картин импрессионистов мама с трудом за бесценнок продала в Москве и привезла для нас конской колбасы и краюху черного хлеба; выменяли весь уникальный фарфор.

К этому времени из Орла приехала бабушка Ольга Павловна Павлищева – родная сестра маминной мамы – со своей горничной Анютой. Им деваться тоже было некуда, и их приютила у себя мама, несмотря на то что у самой было трое детей. Семья увеличилась сразу на двух человек, а круг сужался.

Мама работала тогда в школе, преподавала немецкий язык, получала даже по тем временам гроши, детей надо было учить, а школы тогда только набирали силу, а нас, как «бывших», могли просто не принять. Маму уже в который раз сократили. Она поступила в школу на должность вроде нянечки. В ее обязанности входило кипятить воду для школьников и поить их горячим чаем.

В это время меня отдали в школу сразу в 3-й или 4-й класс, так как до этого я ходила заниматься вместе со старшим братом к Анастасии Трофимовне Флеровой. Эта женщина, в прошлом учительница гимназии, учила нас «задаром», во-первых, потому что она была доброй и знала, что маме платить нечем, а во-вторых, потому, что в свое время мой второй дедушка, Александр Александрович Офросимов, сделал, будучи губернатором, для нее какое-то очень доброе дело, за которое она сочла возможным ответить тоже добром, взяв нас со старшим братом в свои ученики.

Году в 1927-м маме предъявили какую-то бумагу, по которой мы срочно должны были быть выселены. На этом, собственно, кончается мое неосмысленное тогда детство. Две комнаты и проходная столовая, которые мы занимали в количестве семи человек, так как седьмой была Зина – наша помощница и няня, приглянулись семье Арефьевых, которые приехали из деревни, а мать их устроилась работать в какую-то общественную организацию. По решению «высших» властей Калуги они должны были занять наше помещение.

Бабушка умерла, Зина ушла жить к матери. Мама, нас трое и Анюта (Анна Афанасьевна) – 5 человек. Взамен дают нам холодное чердачное помещение (в доме бывшего кожевника – купца Кожина – на ул. Огарева), через которое весь двухэтажный дом в несколько больших семей ходил вешать на остальную часть чердака свое выстиранное белье. Основанием для выселения послужило абсурдное обстоятельство, что якобы мы являемся единственными наследниками дома, в котором мы жили до сих пор. Явное беззаконие. Дом никогда даже моему отцу и его отцу, т.е. моему дедушке, не принадлежал, а нам тем более. Но искать правду было негде, а заступиться за нас никто не мог. Помню сидящую в отчаянии маму, которая обеими руками схватилась за опущенную над столом голову. Что делать, мы уже знали – надо срочно собирать вещи и выезжать – был указан срок. Помню, позднее, когда пришлось еще пережить, казалось бы, ряд безвыходных ситуаций, мама как-то сказала мне: «Если бы не вера, которая всегда меня поддерживала, я бы едва ли все это вынесла».

В старом доме, где мы прожили лет восемь, все было как-то приспособлено, было трудно, порой го-

лодно и холодно, но это были какие-то родные стены, которые помогали нам жить. Здесь же оказалось все чужим. Нашу бывшую приходскую церковь на ул. Глеба Успенского закрыли. В нее нас водила мама аккуратно каждые субботу и воскресенье, а также по большим праздникам и накануне их. Церковь называлась Косьмы и Дамиана. Она выстроена по проекту Растрелли, имеет корабельный план, колокольня как-то особенно устремлена ввысь. Она сохранилась до сих пор. Помещение занято под склад. Снаружи сейчас, к 2002 году, ее привели в относительный порядок.

Служили там два священника: отец Антоний, монах лет 60-ти, и отец Николай, священник без монашеского пострига, в прошлом инженер, ему в то время было лет 40. Кажется, отец Николай, будучи на Империалистической войне, со своим другом поклялись друг другу, что если один из них погибнет, то другой станет священником и будет молиться за всех усопших и за живых, которые не должны никогда поднимать друг на друга руку. Отец Николай остался жив, друг его погиб. Оба эти священника были большими друзьями нашей семьи. Старший брат Алексей брал уроки Закона Божьего у отца Николая. Жили они напротив церкви в домике о трех окошках у хозяйки. Отец Антоний обладал необыкновенным даром красноречия, и я помню, как взрослые говорили, что когда он говорил проповеди, то люди порой рыдали. Оба эти священника были арестованы, сосланы в Соловки и там, очевидно, погибли.

Помню, как-то мама послала меня по делу что-то передать. Отец Николай позвал меня к себе в комнатку. Там стояла жесткая кровать и аналой перед красным углом с иконами. Он поставил меня перед иконами и, начиная с головы, кончая ногами, перекрестил меня маленькими крестиками (из пальцев), читая при этом молитву, затем отправил меня домой. В письме из Соловков он писал маме, как они рубят вековой лес топорами и сколько ударов надо, чтобы свалить такое дерево. Писал о том, что я, наверное, стану опорой в ее жизни. Не знаю, как позднее оценила это мама, но думаю, что ее независимость, ее приверженность к труду не дали мне возможности стать ее опорой. До самого последнего времени она отказывалась от помощи.

Мама была очень религиозным человеком. Это было заложено в ее воспитании, это горячо поддерживал отчим Александр Александрович Офросимов, которого она звала дядей Сашей и который тоже был очень религиозен. Мама всю жизнь молилась за Императора Александра II. История эта очень поучительна. Мой дед Алексей Андреевич Лосев, отец моей мамы, Риммы Алексеевны, служил в Кирасирском полку вместе с Императором

Александром II. Очевидно, уже в конце его царствования, в 1881 году, дедушка вышел в отставку в чине генерала и был назначен в один из городов Орловской губернии губернатором. Имение деда – Богоявленское – тоже приписано к этой губернии. Предыдущий губернатор зарекомендовал себя плохо – долги, игра в карты и т.д. Его срочно решили сменить. Когда дедушка стал принимать дела, то в казне оказалась нехватка в 50 тысяч. Дед был очень мягкий, добрый и честный человек. Этим воспользовался бывший губернатор и убедил деда принять дела так, как будто все в порядке, а он обязуется в самое ближайшее время покрыть свой долг. Но нагрянула ревизия, усомнившаяся в том, что у предыдущего губернатора все сошлось. Обнаружилась недостача. Преступник тут же скрылся за границу, навсегда забыв о данном обещании. Дедушка срочно продал одну из принадлежащих деревень и покрыл долг. Но акт составлен, деду грозил военно-полевой суд, лишение чинов, а может быть, и дворянства. Положение сложилось отчаянное. И тогда он решился подать прошение на Высочайшее имя, подробно описав все обстоятельства дела. Александр II написал свое решение с просьбой прекратить дело, так как он лично знал офицера Лосева, и дал ему очень хорошую характеристику. Дело было прекращено, а умирая (маме было тогда 7 лет), он завещал ей всю свою жизнь молиться за Императора Александра II, который спас его честь.

Мама родилась в 1885 году в Царском Селе. Когда ей исполнилось три года, они переехали в свое имение Богоявленское, которое славилось своим конным заводом орловских рысаков. У меня сохранилась икона Божьей Матери Казанской, на которой рукой деда сделана надпись: «Нашей дочке Римме благословение на отъезд из Петербургской губернии. Царское Село. Апреля 12 дня 1888 года». Моя бабушка, жена А. А. Лосева, мать моей мамы, принадлежала к старинному дворянскому роду Павлищевых, ее дед – Иван Васильевич Павлищев – был героем Бородинского сражения 1812 года. Род был знатный и богатый – аристократы. Бабушка была очень красива. Род имел некровное родство с Пушкиным – сестра Александра Сергеевича была замужем за Павлищевым, а от его брата пошла наша ветвь.

В свое время бабушке предложили стать фрейлиной при дворе, но родители наотрез отказались. Она любила, и ее любил двоюродный брат – Александр Александрович Офросимов – сын Александра Федоровича Офросимова, имеющего много заслуг перед Родиной, много орденов, в том числе орден Андрея Первозванного с голубой лентой. У него была сестра – Анна Федоровна, которая была замужем за Павлом Павлищевым, от которого ро-

дилась дочь Лидия, моя будущая бабушка. Родители долго не выдавали ее замуж. Брак с А. А. Офросимовым отпадал. Как высокий чиновник, он должен был просить разрешения через Сенат, а их близкое родство этому мешало.

Бабушка вышла замуж за Алексея Андреевича Лосева. Брак был не по любви. Об этом рассказывала мне Анюта (Анна Афанасьевна), близкое доверенное лицо и личная горничная одной из сестер бабушки – Ольги Павловны Павлищевой. По ее словам, заболевшему рожистым воспалением дедушке дали возможность умереть. Так полз слух среди близких слуг, которые очень любили дедушку за его доброту и побаивались надменной бабушки. После смерти Лосева Александр Александрович Офросимов подал прошение в Сенат жениться уже не на Павлищевой, а на вдове генерала Лосева, что ему и разрешили. Всю свою жизнь он боготворил свою жену и в начале 30-годов, когда она умерла, А. А. писал своей падчерице (моей маме), с которой он был очень дружен, что его потеря безгранична, но живет он надеждой встретиться со своим ангелом, как он называл бабушку, после своей смерти.

Он был очень религиозен. А. А. Офросимов относился, как я уже писала, к высшему чиновничеству. Он окончил Царскосельский Лицей, тогда уже переведенный из Царского Села в Петербург, был камергером двора, затем был назначен губернатором в Калугу, а с 1909 года его назначили сенатором в Петербург. В лице его товарищами были будущий первый ректор Московской консерватории Сафронов, поэт Апухтин, президент Академии наук Константин Романов. После революции по просьбе Бонч-Бруевича дедушка А.А. написал мемуары для Пушкинского дома, которые где-то там потерялись. Осталась расписка в их получении, которую в 1982 году я отдала краеведу из Калуги Морозовой Генриетте Михайловне для поисков этих записок. Но Пушкинский дом их так и не нашел, а расписка осталась у Морозовой или в краеведческом музее, или в архиве.

Одна из историй, связанная с К.Р. (Великий Князь Константин Романов), написана рукой А.А. и хранится у меня. История, когда К.Р. поселился с семьей на лето в Прысках Козельской губернии. А. А. Офросимов был очень деятельным губернатором. Он старался облегчить жизнь крестьян, много занимался благотворительностью, организовал училище для глухонемых и многое другое, что он описал в своей автобиографии. Революция 17-го года застала его с женой в Петербурге в должности сенатора. Оставив все, они уезжали в Житомир к бабушкиной сестре Елизавете Павловне Вишневской. В конце 20 – начале 30-х годов деда арестовали и увезли в Москву. Однако, разобравшись в его

полной лояльности и учитывая заслуги перед народом, когда он был калужским губернатором, его отпустили. Он возвратился в Житомир.

Бабушка в это время заболела туберкулезом кости локтя. Средств к существованию не было. Все вещи оставались в Петербурге, ценности сданы в сейф банка и национализированы. На Украине в начале 30-х годов начался голод. Положение отчаянное. При них еще находилась горничная бабушки – Александра Никаноровна Дружинина. Дед в ЦК партии пишет заявление с просьбой назначить ему хоть какую-то пенсию. Приходит положительный ответ от Енукидзе: назначена персональная пенсия за его общественные заслуги. Но бабушка уже умерла.

В этот период открылись ТОРГСИНЫ (торговля с иностранцами), которые представляли собой торговые точки во всех крупных городах, в том числе в Житомире и Калуге. И вот в Париже у дедушки оказался племянник – инженер, сын одной из его сестер Петя Шиловский, который успел до смерти дедушки прислать ему несколько раз через ТОРГСИН доллары. Это немного поддержало его, потому что своих ценностей (серебра и золота), на которые можно было купить продукты и другие товары, у деда не было. Однако здоровье было подорвано, лет было порядочно, и дедушка написал маме, чтобы она приехала проститься с ним. Это было, кажется, в начале 30-х годов. Мне было лет 14–15, младшему брату и того меньше – голодали, холодали, однако мы, трое детей, уговорили маму поехать.

Приехала мама с ужасным впечатлением. Дедушка был при смерти. В городе голод. Люди опухали. Мама привезла с собой хлеб, но пока была там, чувствовала, что сама же может его съесть. В Калуге ждали дети, одни с тогда уже ослепшей Анютой. Мама, приехав обратно, получила письмо от Саши Дружининой, бывшей горничной бабушки, жившей с ними в Житомире, о том, что дедушка умер сразу после отъезда мамы. А она осталась одна без средств к существованию, начинает пухнуть от голода и Христом-Богом просит взять ее в Калугу. Мама согласилась.

Итак, семья стала состоять из шести человек – трое детей, мама, Анюта и Саша.

Мама была человеком высокой нравственности и, несмотря на полуголодное и холодное существование, много внимания уделяла нашему духовному развитию. Она считала, что должна выступить перед нами в двух лицах: и как мать, и как отец. Помню, вечерами, когда мы еще жили на ул. Глеба Успенского, перед сном она каждый день читала нам на ночь по одной главе из Евангелия, и не больше, несмотря на наши просьбы, говоря, чтобы мы вдумались в прочитанное. Этой памятью я обязана

маме. Я до сих пор помню Ветхий и Новый Заветы, иногда их перечитываю и не считаю себя «серой» в этой области.

Помню, с каким трудом она заставляла нас по субботам вечером и в воскресенье утром вставать к началу обедни (в 6 часов утра) и отстаивать всю службу от начала до конца. Трудно было, потому что зимой температура в комнате доходила до -5°C и иногда только к утру начинаешь согреваться. Но ее непоколебимость граничила, как тогда мне казалось, с жестокостью. По субботам отменялись всякие мероприятия – баня, гости и уже, конечно, всякие увеселительные походы. Мы должны были идти в церковь. Я очень благодарна осталась ей, потому что это воспитало во мне чувство долга, ответственности и другие положительные качества.

Передо мной маленькая пожелтевшая фотография, сделанная перед отъездом из Калуги отца. В саду стоят: папа, мама, около них старший брат Алексей примерно четырех лет. Мама держит на руках меня, годовалую. Она в ожидании младшего брата, который родился уже без отца. Уезжая, отец просил: если родится мальчик, назвать его в честь его отца – Михаилом. Мама так и сделала. Это было расставание навечно. Оба грустные. В ночь после отъезда отца за ним пришли, сделали тщательный обыск, конечно, ничего не нашли, потому что, кроме происхождения, ничего предосудительного не существовало. Маму не тронули, видимо, из-за нас, троих малолетних детей.

Моими первыми подругами и друзьями были Настя и Шура (Николаевны) Гончаровы – правнучки полотнянозаводских Гончаровых, чей род начался от брата Наталии Николаевны Гончаровой (Пушкиной). Жили они на той же улице, что и мы, в одноэтажном доме, который вначале занимали только они, а затем, после бесконечных уплотнений, они остались в одной комнате. Семья была большая. У Елены Александровны Гончаровой (урожденной Потехиной) кроме Шуры и Насти, родных детей, были еще сын Борис и дочь Кира от первого брака Николая Дмитриевича Гончарова и его первой жены Храповицкой, которая умерла в молодости. Кира и Боря были старше нас лет на 10–12. Они очень любили свою мачеху и всегда называли ее Лёлей.

Семья была музыкальная. Все они учились у калужской известной учительницы музыки Юртаевой Ольги Николаевны. У Бориса был прекрасный тенор, Кира аккомпанировала. Позднее обнаружился неплохой голос и у Насти.

Если в нашей семье мама старалась придерживаться старых дворянских традиций, старалась привить нам хорошие манеры, то в семье Гончаровых было дозволено все, поэтому у них мы играли и шалили почти безнаказанно. К дому прилегал боль-

шой сад, двор с сараем, погребом – все это было всегда для нас доступно, поэтому я и младший брат Михаил очень любили ходить к Гончаровым и часто у них бывали. Летом мы строили шалаши, лазили по яблоки к соседям, устраивали в чулане комнату для себя. Помню, как мы где-то достали новые фантики от конфет и весь чуланчик обклеили «Мишками» и еще какими-то красивыми картинками. Зимой бывший кучер Потехиных, который при коллективизации приехал из деревни и поселился в кухне с женой, делал нам ледяную горку, а из навоза лепил что-то вроде большой лохани, обливал ее на морозе водой и получались прекрасные сани-самокаты, назывались они «гавнюшками». Мы, детвора, с криком и гиком наваливались на это сооружение и летели с горки, разлетаясь во все стороны.

В начале 30-х годов семья Гончаровых распалась. Сперва были арестованы и сосланы дедушка Александр Иванович Потехин и бабушка, его жена Юлия Константиновна. В 1937–1938 годах арестовали и сослали мать – Елену Александровну. Кира вышла замуж за доктора Кипарисова и уехала в г. Перемышль, Борис окончил строительный техникум, женился на Вере Лопатиной и уехал в Москву, Настя вышла замуж тоже в Москву за Воеводина, Шура уехала учиться в Москву. Затем мы встретились через 50 лет в Москве уже все в преклонных летах.

Калуга 20-х и 30-х годов была местом ссыльных дворян, которые, в общем, перед советской властью ничем не провинились, кроме своего происхождения. Многие из них были вполне лояльны и даже поддерживали новую власть. В большинстве это было родовое дворянство с образованием, которое в то время могло принести большую пользу. Все эти люди, как бабочки на свет, слетались к нам в дом. Мама, как дочь (падчерица) бывшего губернатора Калуги, была на виду у всех, эти несчастные люди – разоренные, униженные, выброшенные революционной эпохой из своих насиженных гнезд, искали тепла и участия. Принимать их было в то время крайне рискованно, и многие оставляли свою дверь для них закрытой. Мать этого никогда не делала, и двери нашего дома, несмотря на страх и бедность, всегда были открыты. Разговоры велись чаще по-французски.

Помню некоторые имена: Полтев – это какой-то бывший сановник, старик лет семидесяти, сосланный в Калугу. У нас он появлялся всегда безукоризненно одетым, в цилиндре. В передней он доставал из кармана два бриллиантовых перстня и надевал их. Уходя, опять снимал. Но вдруг он исчез. Я помню, взрослые говорили следующее: как-то раз он получил повестку о явке в ГПУ (Главное политическое управление, позднее НКВД, теперь КГБ)

– организацию, которая жестоко расправлялась с «бывшими». Полтев на вызов не пошел, его нашли повесившимся в своей комнате. На столе в качестве последней записки лежала повестка из ГПУ.

Совсем еще молодой (лет 38–40) бывший гвардейский офицер Николай Петрович Штер (Николай Петрович «маленький»). Красавец, всегда подтянутый, с армейской выправкой, высокого роста, безукоризненно причесанный, он по улице ходил в своей бывшей армейской форме без погон и как-то особенно, прижав к левому боку согнутой рукой, держал свою фуражку. Позднее дошли слухи, что он был расстрелян.

Был еще Николай Петрович Коновалов (он назывался у нас Николай Петрович «большой»), так как был старше «маленького». Это был человек лет 65–70, высокий, плотный, с лысой головой – бывший царский чиновник, также высланный в Калугу.

Среди этих людей была праправнучка Радищева, дама лет пятидесяти, она ходила всегда в черном, по крайней мере я ее так запомнила. Она не без юмора рассказывала о том, как следователь, который вел ее дело, укорял ее в том, что она, внучка Радищева, вдруг попала под следствие. На что она отвечала, что весь род Радищевых, видно, всегда был не в ладах с сильными мира сего.

Князь Ратье (Ратишвили) – хранитель Эрмитажа, который не дал разграбить ценности музея во время бесконечных смен правительств, за что от В. И. Ленина получил личную охранную грамоту, несмотря на это, тоже был сослан в Калугу. Ему в то время было лет 60–65: красивый, высокий, необычайно обаятельный, совсем седой человек с изысканными манерами. Я помню, как я, девчонка лет десяти, влюбилась в него.

Позухины – отец с двумя детьми нашего возраста – Надей и Алешей – и двумя тетками. Надя была больна туберкулезом. Детей они воспитывали на прежний лад: обязательные занятия по-французски, а грамматика – в прежней орфографии с буквой ять и т.д. Они, видимо, надеялись на возвращение к старому.

Семья бывшего генерала Михаила Евгеньевича Маслова. Она состояла из самого генерала, его жены, бывшей княжны Анастасии Евгеньевны Волконской, их сына Михаила и сестры жены – Ольги Евгеньевны Волконской. Позднее, чтобы скрыть свое происхождение, она фиктивно зарегистрировалась с каким-то рабочим по фамилии Давыдов, который однажды в пьяном виде явился к ним и стал настаивать на своих супружеских правах, чем привел семью в страшное смятение. Потом это как-то уладилось.

Семья Некрасовых, родственников поэта. Глава семьи – племянник поэта – был женат на Горчако-

вой (княжне). Родственники поэта Аксакова. Наконец, Анна Ильинична Толстая, внучка Л. Н. Толстого. В Калуге у них был дом. Пока их не трогали, и я помню, как мы, дети, были приглашены к ним на елку. А.И. была первым браком замужем за Николаем Андреевичем Хольмбергом. У них было два сына – Сережа и Дима. Играя в жмурки, Николай Андреевич поймал меня и, так как он держал во рту папиросу, схватив меня в охапку, прижег мне лоб. Это ощущение я чувствую до сих пор. Позднее Анна Ильинична с Хольмбергом разошлась и вышла замуж за профессора Московского университета, философа Павла Сергеевича Попова, ставшего при жизни писателя Булгакова его биографом. С мамой Анну Ильиничну связывали хорошие дружеские отношения, и когда во время НЭПа А.И. организовала артель по производству дамских шляп, которая называлась «Кустари», то пригласила туда работать маму. Артель состояла из восьми человек. Анна Ильинична Толстая, Татьяна Александровна Аксакова, Любовь Павловна Леонутова, мама – Римма Алексеевна Местергази, мастерица по шляпам, две портнихи и один еврей, видимо, администратор. Снимали они очень маленькое помещение на Московской улице, вблизи памятника Карлу Марксу.

У мамы была фотография тех лет, где «Кустари» представлены на групповом снимке величиной чуть меньше обычной почтовой открытки. На память приходят обрывки из всего этого многотрудного времени. Страна голодала, Украина, Поволжье пухли от голода. Крестьянство разорено коллективизацией. Об этом написано много, но я вспоминаю это время в сугубо ограниченном калужском пространстве. В начале 30-х годов по всей стране, как я уже писала, открываются ТОРГСИНЫ – торговля с иностранцами. Население добровольно по установленной таксе несет все, что осталось от бесконечных обысков, конфискаций: чайное и столовое серебро – ложки, вилки, ручки ножей, оклады с икон (тогда иконы, будь они самыми ценными, никто не ценил). В ТОРГСИНЕ в обмен давали бумажные деньги – бонны, на которые можно было купить крупу, сахар, подсолнечное масло, текстиль – одним словом, все самое необходимое. Сдавать нам особенно было нечего, поэтому этот источник скоро иссяк.

И вдруг... несколько месяцев подряд мама получает из-за границы валюту, причем каждый раз от разных неизвестных лиц из разных европейских стран и на разную сумму. Для нас это было спасением, потому что каждый такой перевод давал маме возможность продержаться недели 2–3, а то и месяц. Благодарить было некого. Только на бланке перевода стояла просьба написать, на что потрачены деньги. У нас это было пшено и подсолнечное масло. Деликатесов в виде консервов, лимонов, конфет

Римма Алексеевна Местергази с детьми Алексеем, Кирой и Михаилом

мама себе позволить не могла даже ради «баловства». Вскоре это прекратилось. То ли потому, что закрылись ТОРГСИНЫ, то ли потому, что переводы такого рода запретили. Для нас было загадкой – откуда же шли деньги? Предположить можно было, что либо Вася (брат отца), либо Петя Шиловский, будучи за границей, сообщили каким-то образом о нашем бедственном положении в какую-то организацию, занимающуюся поддержкой бедствующих семей в России. Видимо, такие переводы получала не одна мама, но все из боязни молчали.

Вот еще один случай из калужской жизни. У мамы оставались от бабушки Лидии Павловны драгоценности. Кроме того, сестра бабушки Ольга Павловна Павлицева тоже имела драгоценности. В основном это были бриллианты. В Калуге объявилась некая еврейка, имя ее было Серафима. Она жила в районе церкви Георгия Победоносца в доме за длинным серым забором. Каким-то образом она вошла в доверие к маме и убедила ее в том, что если она возьмет под залог все бриллианты, и мамини, и бабушки Ольги Павловны, то это окажется очень выгодным для нашей семьи. Семью надо было кормить, денег же не было, жили бедно. Ценности в то

время никому нужны не были. Нужен был хлеб. И мама решилась на этот шаг. Серафима оказалась авантюристкой. Выманив у мамы все ценности, она не заплатила ни единой копейки. И когда мама обратилась к поверенному Бессонову, который взялся вести «дело», Серафима поклялась здоровьем своих детей, что она в руки не брала никаких бриллиантов. Вскоре у нее умер ребенок. Ни единой вещи она не вернула, денег не заплатила, а мы лишились всего самого ценного для нашей семьи.

За шалости и непослушание мама наказывала нас, ставя в угол, никогда не била, не ругала и только однажды нас с Михаилом выпорола розгами за то, что Зина (наша няня) высмотрела нас курящими в шалаше. После этой экзекуции я долго не могла прийти в себя и смотреть в лицо близким. Я думаю, что пороть нас не было необходимости. Достаточно было разъяснения, потому что мы, в общем-то, были детьми послушными. Дети Гончаровых тоже были причастны к курению, однако их пальцем никто не тронул, хотя шло это именно от них. Елена Александровна, их мать, курила, и в основном Настя таскала папиросы у матери. Какое наказание постигло их, я не знаю, но во всяком случае точно знаю, что не порка розгами и не битье.

Очень хотелось бы вспомнить о моем крестном отце, отчине моей мамы Александре Александровиче Офросимове. Я его не видела, моя первая и последняя встреча была у купели церкви Косьмы и Дамиана, где меня крестили и где он держал меня на руках. Дальше идут лишь воспоминания по письмам, хлопотам о назначении ему пенсии, разговоры о его переписке с А. Бонч-Бруевичем по поводу его воспоминаний о своей деятельности, встречах и т.д.

В Калуге А.А. был вначале вице-губернатором при князе Горчакове, позднее губернатором. А затем, когда Горчаков был назначен губернатором в Тверь, то А.А. поехал на аудиенцию в Петербург выяснить свое положение. О своем назначении на пост губернатора он написал в одной из сохранившихся записей для моей мамы, которая всю жизнь была очень дружна со своим отчимом. У меня осталась копия письма одного из глухонемых, который учился в школе в Калуге, организованной А.А., где он трогательно описывает отношение А.А. к своим подопечным, то, что А.А. помог десяткам несчастных людей обрести счастье быть полноценными, квалифицированными работниками.

Когда отец сделал предложение маме и получил ее согласие, то оставалось получить благословение родителей. Со стороны родителей отца возражений, кажется, не было. Но родители мамы, Лидия Павловна и отчим А.А., или дядя Саша, как всегда его называла мама, воспротивились этому браку, во всяком случае, старались как можно дольше оття-

нуть его. Говорили, что отец был легкомысленным, любил тратить деньги, поигрывал в карты. Видимо, до Офросимовых доходили эти слухи, и они боялись за судьбу дочери. Однако брак состоялся. Свадьба была очень скромной в ресторане «Прага» в Москве, с ограниченным количеством гостей (сохранилось меню).

После свадьбы молодые поехали в путешествие по Европе. Оно было длительным (если не ошибаюсь, года два). Посещение основных столиц – Варшавы, Парижа, Рима и других городов Италии и Европы, посещение музеев, выставок. Отец из этой поездки привез из Парижа полотно импрессионистов, которые в наше время не имеют цены и которые в голодные 30-е годы мама с большим трудом «устраивала» в Москве по 25 рублей за полотно, чтобы прокормить нас, троих детей и двух старух – бабушку Ольгу Павловну Павлицеву и ее горничную слепую Анну Афанасьевну Маликову, которую еще в юности взяла бабушка Ольга Павловна в услужение из приюта. Она была дочерью героя турецкой войны Афанасия Маликова. Анна Афанасьевна прожила в нашей семье до конца своих дней, испив вместе с нами всю чашу лишений, всегда старалась своим трудом принести пользу и трогательно относилась к нам. Умерла А.А. во время войны и похоронена в одной могиле с Ольгой Павловной, которую она очень любила и пользовалась взаимностью.

Итак, с выселением из дома на Косьмодамианской на улицу Огарева заканчивается страница моего детства, правда, безрадостного, ущемленного, но до сих пор все же сытого. Далее начинается юность, полная лишений моральных, физических, материальных. Ко всем бедам еще добавились тяжелые заболевания младшего брата Михаила. Еще будучи мальчиком лет семи, он заболел туберкулезом кости (нога), затем страшнейший колит. Мама была в отчаянии. Нужно было усиленное питание, и в то же время диета. Мальчик утасал на глазах.

И вот летом мама узнала, что на дачу в бор, под Калугой, приезжает профессор Красинцев, главный врач больницы Склифосовского в Москве. В свое время он учился вместе с отцом в гимназии. Мама обратилась к нему. Помню, как тепло они нас встретили, назначили день приема. Возвращалась я с мамой поздно, было уже почти темно, а главное, очень сыро и прохладно. Я до сих пор помню, что на мне была надета белая вязаная кофточка, которая, как мне казалось, совсем не грела. Это чувство холода я ощущаю до сих пор. Мы с мамой почти бежали. Нужно было пройти часть бора, поле с километр и часть города до дома.

Красинцев, посмотрев Михаила, назначил лечение – каждый день натошак снятую простоквашу, и мальчик на глазах стал поправляться. Залечили

и туберкулез, но позднее, уже в юношестве, лет в 14–16, у него открылся туберкулез лимфатических желез, рубцы от которого остались на всю жизнь на шее. Но и это организм поборо. Видно, кость дворянская была крепка. Это выражение я взяла, прочитав переписку Чехова и Бунина, где Чехов сказал последнему: «Да, хорошо это у Вас, дворян, кость крепкая» (за точность формулировки не ручаюсь).

Мои предки: Офросимовы, Лосевы, Павлищевы, Федоровы, и со стороны моего мужа – Цеханские – были записаны в так называемую 6-ю книгу.

Род Цеханских по документальным свидетельствам, которые хранятся в архиве Санкт-Петербурга, очень древний и ведет свое начало с XIV века из Польши.

Дело в том, что все потомственное русское дворянство имело шесть разрядов, записанных в особые дворянские родословные книги.

1 разряд (первая книга, первая часть) – дворянство жалованное

2 разряд – дворянство военное

3 разряд – дворянство по чинам и орденам

4 разряд – иностранные дворянские роды

5 разряд – дворянство титулованное

6 разряд – древние благородные дворянские роды.

В 6-й части состоят наиболее почитаемые роды, в том числе и Рюриковичи.

В первой половине XVIII века шестая книга была рукописно тиражирована и, по-видимому, оделась в бархатный переплет, тогда ее название сделалось «Бархатная книга».

Дворянский герб Местергази у меня есть в виде дощечки, где выжжен весь рисунок герба, а на обороте надпись: *Герб «Mesterhazy»*. Дворянский род Эдинбургского округа, а с XVII столетия владели поместьями также в Мегистеры Ейзенбургского округа.

Герб этот – копия с герба, выжженного моим отцом Владимиром Михайловичем Местергази. Дело в том, что он незадолго до революции начал хлопоты о восстановлении графского титула Местергази. Герб, который у меня, сделан моим старшим братом в 1980 году, Алексеем Владимировичем Местергази, 1914 года рождения, участником Великой Отечественной войны. Мой младший брат Михаил Владимирович Местергази, 1918 года рождения, получил на этой войне тяжелые ранения и остался инвалидом.

Сохранился и герб Цеханских, написанный акварелью.

Внизу надпись по-польски.

Na Ciechanach Ianuez № 14980 k Boncza Ciechanski 1855 г. (год написания акварели).

Михаил – художник, Яков – чиновник при ка-

Герб рода Цеханских

лужском губернаторе. Их мать – урожденная Подолинская (ее брат – известный поэт пушкинского времени) – окончила консерваторию в Париже. Ее дочь Алеся окончила Московскую консерваторию, другая сестра тоже была пианисткой. Их отец – Степан Яковлевич Цеханский – был в довольно большой должности лесничего в гор. Калуге. По воспоминаниям, они жили в доме на углу бывшей Николаевской улицы и ул. Красноармейской. От их дома начинался спуск к церкви Покрова. Сохранились фотографии родителей и детей.

Решила в свои записки внести следующее:

Свидетельство

По Указу Его Императорского Величества дано сие из Могилевского Дворянского Депутатского Собрания дочери Статского Советника Степана Яковлевича Цеханского, Александре Цеханской, родившейся двадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, в том, что определением Собрания, 1 Августа 1879 года состоявшегося, она, Александра Степановна Цеханская, причислена к роду, утвержденному в потомственном дворянстве указом Геральдии Правительствующего Сената от 28 января 1842 года со внесением в 6-ю часть родословной книги, а потому согласно 284 от IX т. уст. о сост. изд. 1876 года следует считать ее, Александру Степановну Цеханскую, окончательно утвержденную в дворянстве; в чем Дворянское Депутатское Собрание надлежащим подписью с приложением печати удостоверяет. Гербовый сбор оплачен. Октябрь 31 дня 1879 г. Могилев на Днепре.

№ 647

*Могилевский Губернский**Предводитель Дворянства (Подпись) Печать
Могилев. Дворян.**Депутатского Совета Секретарь (Подпись)
Печать. Столоначальник (Подпись)*

Это свидетельство было выдано как подтверждение дворянства для поступления в консерваторию для сестры Ивана Степановича Цеханского.

Первые мои заработки начались, когда мне было лет 9–10. Мы еще жили на ул. Глеба Успенского, а напротив жил садовник Лавров, который выращивал необыкновенно крупные и вкусные помидоры. У него была большая теплица, ранней весной мы с братом Мишей ходили к нему рассаживать по ящикам рассаду помидоров. Леля (старший брат), старше меня на четыре года, всегда был большой умелец, а тогда, будучи 12–13 лет, делал из бумаги корзиночки, всевозможные картонажи и продавал их. Таким образом, мы помогали маме как-то прокормить нас.

Бабушка Ольга Павловна Павлицева (родная сестра моей бабушки), которая последние годы, как я уже писала, жила с нами, была совершенно глухая, совсем согнувшаяся и очень добрая к нам, детям. Она ходила с палочкой, была очень религиозна, вела ежедневно дневник, который у меня сохранился. Мы, дети, любили играть с ней в прятки, забегали под диван, а она палкой нас нащупывала и, таким образом, находила. Годы за два до смерти она приняла тайный постриг и стала «матерью Олимпиадой». Ходила она в обычной одежде, но много молилась, а когда умирала, ее соборовал отец Антоний. Запомнилось, как она лежала на постели, а затем в гробу во всем монашеском, нас, детей, подводили к умирающей прощаться.

Я помню времена НЭПа, ярмарки, на которые съезжались со всех окрестностей крестьяне, торговцы, покупатели – горожане и приезжие. Тогда еще ходили старые деньги в виде тысяч и миллионов. Как-то раз мама отпустила меня с няней Зиной на ярмарку и дала одну бумажку – деньги. Вспоминается, как я была удивлена, когда мы покупали пряники, катались на каруселях и с одной бумажки получали сдачу бесконечно много бумажных денег вместо одной данной нам мамой бумажки.

В это время крестьяне из бывшего имения мамы Богоявленского Орловской губернии писали письма маме, в которых приглашали ее приехать навестить их. Мама поехала. Барский дом был разграблен, в гостиной на первом этаже устроили амбар, засыпав фуражом паркет и старинное трюмо в красивой раме красного дерева. По наивности мама стала просить старосту отдать ей это зеркало, но он побоялся это сделать, несмотря на свое хо-

рошее отношение к бывшим хозяевам. Остановилась мама у кого-то из знакомых крестьян, бывала в гостях и везде видела кое-какие вещи из барского дома, в том числе и образок овальной формы с коленопреклоненным святым, кругом образа вделаны какие-то камушки. Образок отдали, мама его привезла, и сейчас он у меня. При отъезде из Богоявленского маме столько нанесли всякой снеди и битой птицы, что она не могла все привезти. Помню, среди деревенских подарков была большая битая индейка. Индейку я ела впервые и затем надолго забыла ее вкус. Это были 20-е годы, а затем я имела возможность попробовать ее лишь через 40–45 лет.

Наше выселение из дома прадедушки Кричевского совпало со временем коллективизации. Время было тяжелое для всех: голод, безденежье, смерть бабушки Ольги Павловны. Город стал наполняться бежавшими из деревни крестьянами. Безработица. В это время нас и выселили в дом Кожина. Здесь все было чужое, в отличие от старого скромного домика на ул. Глеба Успенского. Среди здешних обитателей дома наша семья оказалась белой вороной среди случайных людей. Дом был двухэтажный каменный с чердачным полужилым помещением, разгороженным перегородкой не до потолка на две части, в общей сложности метров 20–25. Лестница со второго этажа, минуя это помещение, вела во вторую часть чердака, куда через нашу «квартиру» весь дом ходил вешать белье.

Не берусь характеризовать всех жильцов, наверно, среди них были и неплохие люди, но к нам было отношение особое. Почти все они бывшие деревенские, попавшие в город, в общем-то, случайно. Поэтому все, что плохо лежало, они «приспосабливали» к своим нуждам – строили во дворе какие-то сараи, клетушки, оборудовали свое жилье, а мы этого ничего не делали, да и делать было некому. Два раза в год все женщины собирались и мыли лестницу, требуя, чтобы и от нас кто-то шел, хотя сами ходили через наше помещение и мы с них уборки не требовали. Маму мы не пускали. Ходил либо брат Миша, либо я.

Уборная находилась на втором этаже для всего дома, и так как яма была выгребная, то зимой туда ходить было невозможно – вырастали горы навоза.

Дрова и керосин стоили дорого, поэтому печь топить ежедневно мы не могли. В морозы температура в помещении достигала -5°, у меня на отмороженных руках появились язвы. В школу иногда уходили голодными, потому что не было ни хлеба, ни картошки, ни крупы. Продавали все что можно.

Мама не гнушалась никакой работы. Она брала заказы на вышивки, вязание, преподавала в школе немецкий язык, пока не сократили, работала швеей на фабрике, давала уроки английского языка на-

шим хорошим знакомым Волнянским. Мама была большая рукодельница, она научила меня вышивке филе, гладью, стебельчатым швом, вязать крючком, научила шить на машинке, позднее я ей помогала выполнять редкие, правда, заказы.

Как-то летом меня устроили работать в качестве руководительницы в детский сад. Затем летом я работала чертежницей (уже в старших классах). Однажды мама пришла очень расстроенная. В то время она работала кассиршей в аптеке. Оказывалась, к окошку, за которым она сидела, подошел человек, показал ей книжку ГПУ и велел по такому-то адресу в определенное время явиться к нему. Каждый раз, уходя на такое «свидание», мама говорила об этом только старшему брату, которому было в то время лет 15, предупреждала его, что она может не возвратиться и тогда он остается за старшего. Нам, мне и младшему брату, мама ничего не говорила. Наверное, боялась детских слез и не хотела нас травмировать.

Дом, где происходили «встречи», мама мне показывала, я знаю даже окна этой комнаты, они очень незаметны, на первом этаже. В комнате за стеклом сидел один человек, его фамилия была Гусев, в противоположном конце комнаты стояла ширма, за которой, казалось, сидел еще кто-то. В одно из таких собеседований маме предложили сотрудничество в ГПУ, иными словами, стать осведомителем. Выбор был не случайным. Маму в Калуге знали как очень порядочного человека, а знакомства, естественно, были среди бывших дворянских семей – Гончаровы, Храповицкая, Горчакова, Масловы и другие. За «работу» было обещано устроить в высшее учебное заведение старшего брата, улучшение коммунальных условий и другие блага, о которых тогда можно было мечтать. Мама сразу наотрез отказалась. В ответ было: «Подумайте, срок три дня». В противном случае была обещана тюрьма, а дети – в детдом. Вера мамы была настолько глубока и порядочность настолько непоколебима, приобретенная, как говорят, с молоком матери, что и через три дня последовал тот же ответ. Уходя, мама была уверена, что уже не вернется. Но, слава Богу, со злобой, с упреками в нелояльности к советской власти, с посулами заключения, но все же отпустили и на этот раз.

Я всегда думаю о том, как чиста, как безупречно честна была мама, которая даже под страхом лишиться своих детей, под страхом потери свободы и лишения всех прав не пошла на эту грязную сделку. А ведь я знаю целый ряд лиц из числа калужан, которые жили в более сносных условиях и которые от страха не отказались от предложенных условий. Бог им судья. Мы жили не только в нищете, антисанитарных условиях и голоде. Нас все время преследовал призрак Гусева и ему подобных, но никто

никогда, ни мама, ни мы, дети, не роптали на свою судьбу. Нам казалось, что иначе и быть не может. Более того, я испытывала чувство какого-то стыда, когда у меня зимой была ветхая обувь, более чем скромное платье, а чувство голода я всегда старалась скрыть. Я никогда не приглашала к нам домой одноклассников, стыдясь перед ними за свой быт. Это была советская школа № 7.

Во второй ступени, с 5-го класса, я почему-то училась в Шахмагоновской школе. Она имела большой престиж, так как во время революции там работал новатор-педагог Шахмагонов, воспитавший целую плеяду учеников по новому методу обучения. К тому времени, когда я туда поступила, уже ни самого Шахмагонова, ни его методов не существовало, но о школе шла хорошая слава.

Начались бесконечные эксперименты с методикой обучения. 5, 6, 7 классы прошли под эгидой «бригадного метода». Весь класс, человек 30, был разделен на бригады, дети сами назначали бригадира. Обычно это был успевающий ученик. Бригадир нес ответственность за успеваемость. Как правило, спрашивали бригадира, а отметку получала за это вся бригада. Для неуспевающих учеников было раздолье. Я всегда была старательной и прилично училась. Меня часто выбирали в бригадиры, и, естественно, учить уроки лучше всех надо было мне. В этом мне везло. Однако в общем учебный процесс был запущен, никем не проверялся, и для многих в старших классах это обернулось катастрофой, потому что дети не знали азов.

Кое-как проучились 5, 6 и 7 классы. Прихожу осенью в школу в 8-й класс и вдруг узнаю – в числе учеников 8-го класса я не числюсь. Это было для меня как гром среди ясного неба. В учебной части, куда меня вызвали, я горько расплакалась. Я видела сочувствующие взгляды учителей, которые не смели мне ничего сказать. И вдруг у меня блеснула мысль – ведь моя мама сейчас работает на швейной фабрике швеей, а, следовательно, ей должны дать справку о том, что она рабочая. Я быстро побежала к маме на работу, добыла эту справку, и таким образом вопрос через несколько дней был улажен. Теперь надо было ухо держать востро, так как малейшее отклонение от общепринятых в то время норм могло оказаться для меня гибельным. Я стала учиться еще лучше и очень старалась.

Среди учителей были люди разные – добрые и злые, с глубокими знаниями и дилетанты или просто выдвиненцы, не умеющие читать и писать, партийные и беспартийные и т.д. Ко мне тоже отношение было разное – от покровительственного до открытой ненависти. Приведу пример. Школа праздновала один из юбилеев А. С. Пушкина. Было решено силами учеников поставить сцены из

«Бориса Годунова» – бал у Вешнивеецкого, сцену у фонтана. Мне был поручен вступительный доклад на тему «Пушкин в музыке». В школу была приглашена специальная учительница танцев, которая обучала нас мазурке и полонезу. Работали с большим энтузиазмом. Я пропадала в библиотеке, собирая материал для доклада. И вот наступил день спектакля.

Школа имела подшефную (опекаемую нами и опекающую нас) воинскую часть, которую пригласили к нам на спектакль. За костюмами ездили в Москву специально брать напрокат, был приглашен гример из местного театра и оркестр из воинской части. И доклад, и спектакль прошли блестяще, и командир части пригласил еще раз поставить спектакль у них для тех красноармейцев, которые по тем или иным причинам его посмотреть не смогли. Учебная часть дала согласие.

И вдруг учитель обществоведения Николай Васильевич Северин, придя в класс, сказал, что идут все, кроме Киры Местергази (меня), которой не место в воинской части. Видимо, это было уже слишком. Я точно не помню, что произошло потом, кажется, спектакль так и не поставили там, но позднее до меня дошли слухи, что Северин получил большой нагоняй за «самодеятельность», и после этого он стал ко мне идеально относиться.

В воинской части я все же была, но не помню, то ли с докладом, то ли просто с девочками на танцах. Там появилось мое первое увлечение – сержант или младший лейтенант Костя Баландин, который стал встречать меня, когда я возвращалась из школы. Вскоре его перевели в Тюмень, затем он участвовал в событиях Халхин-Гола, за что осенью 1940 года приехал получать в Москву орден Ленина. Он был очень недоволен и разочарован тем, что всех их, орденосцев, чуть ли не под конвоем ввели и вывели из Кремля, вручив столь высокие награды, не сочли нужным или боялись защитникам наших границ показать хотя бы территорию Кремля.

Больше года понадобилось на то, чтобы я снова села за свои записки. Видимо, повторы неизбежны – за год многое не помню – писала или нет. Перестройка! После XXII съезда депутатов всколыхнулся социалистический мир. Заменено все партийное руководство во всех соцстранах. Прибалтика хочет отделиться от Федерации. Казнены румынский премьер Чаушеску и его жена – сталинские поработители и казнокрады своего народа. За злоупотребление властью бывших партийных руководителей отдадут под суд. Азербайджан избивает армян, требует открыть границу с Ираном. В Ленинграде и Москве проходят митинги, требующие более решительных мер со стороны правительства, наказания саботаж-

ников на железной дороге, казнокрадов, спекулянтов. В Ленинграде введен отпуск товаров по паспортам, в Москве пока талонная система на сахар – 2 кг в месяц на человека. Остальные продукты без карточек и паспортов, если они есть. А их мало – полки пустые. Но я оптимист и верю, что через год-два положение улучшится, хотя ходят слухи о повышении платы за городской транспорт, квартиру, телефон и т.д. На фоне таких бурных событий, о которых я написала так примитивно, трудно возвращаться к событиям 60-летней давности. И все же!

Еще раз вспоминаю свою мать, которая в самое трудное время, начиная с времен 1917 года и до самой смерти, осталась сама собой, пронесла слово «человек» очень высоко. Свои принципы выдержки, воли, веры в человека и любви к ближнему она старалась привить и нам, детям, голодным, холодным, плохо одетым. Чувство высокого достоинства, видимо, привилось или передалось с генами. Я хорошо помню, как я никогда, начиная с детства, не жаловалась на свою судьбу. Идя в школу, иногда совсем голодная, я никогда не подавала вида, что мне хочется есть. Когда хлеба было столько, что его можно было взять в виде завтрака, я прятала его, чтобы никто не увидел из детей, что там нет котлеты, он не намазан маслом, как это было у других детей. Чувство это – достоинство – у меня сохранилось до старости. Трудно назвать самое тяжелое время для себя. Пожалуй, почти до старости это была бесконечная борьба.

После окончания Московского авиационного института весной 1945 года, накануне окончания Второй мировой войны, а для нас – Великой Отечественной войны, я была распределена во вновь организованное ЦКБ-17 – Центр конструкторского бюро авиационной промышленности – в качестве инженера-конструктора. Жилья не было, поэтому институт выдал справку о том, что в «ближайшее будущее» институт обязуется предоставить мне жилплощадь, а пока – мотаюсь по частным углам. В 1947 году я знакомлюсь с В. И. Цеханским – бывшим репрессированным в 1932 году, затем прошедшим фронт 1941–1942 годов, попавшим вместе со всей армией в плен, в 1944 году бежавшим из плена, прошедшим госпроверку, снова служившим в армии до 1947 года, а затем демобилизованным.

В 1948 году мы поженились, и я переехала к нему на Большую Молчановку, дом 21а. На четвертом этаже мы снимали угол у бывшей певицы – цыганки Александры Христофоровны Христофоровой (Шишковой), которой тогда было лет 66. Отец ее был до революции руководителем цыганского хора в ресторане «Яр» (гостиница «Советская»). А.Х. была неплохим человеком, но очень безалаберным, подчас вздорным. Она хорошо относилась к

моему мужу, но меня, несмотря на согласие о моем поселении, она невзлюбила. Я старалась делать все, чтобы сгладить наши отношения, но злые соседи подогревали в ней неприязнь ко мне, и когда должна была родиться моя дочь Кира, то за неделю до родов нам пришлось расстаться. Мы сняли угол у Сельскохозяйственной выставки (ВДНХ), в бараке с холодной уборной, обледеневшей испражнениями, с печным отоплением, в комнате 6–7 квадратных метров. Там стояла наша кровать, кровать хозяйки, стол и едва входила коляска дочки. Так мы прожили несколько месяцев, когда Христофорова пришла к Павлуше Бакулину – приятелю Вавы (так я звала своего мужа) – и просила, чтобы последний попросил Ваву о встрече с ней. Она состоялась. Христофорова, встав на колени, Христом-Богом просила Ваву и меня с дочкой вернуться обратно. Ее новая постоялица, особа из мира торгашей, оказалась невыносимой и совершенно неприемлемой к характеру цыганки.

К счастью, она оказалась непрописанной, а мне с большим трудом, через депутата, которым был тогда у нас Ираклий Андронников, удалось вновь вселиться. Спасло то, что на квартире у ВДНХ меня прописали временно, эта прописка как раз кончалась, а возобновить постоянную прописку на ул. Молчановке, где жила Христофорова, помогли на работе. Хотя начальник милиции на меня орал, что я хитрю, что я не имею права жить в Москве и т.д. Почему? По закону он все же обязан был прописать постоянно, что он и сделал. Наше обратное вселение тоже проходило бурно – соседка по комнате написала в домоуправление о том, что они не хотят семьи с маленьким ребенком, и нам устроили настоящие баррикады, которые пришлось брать буквально приступом.

В то время давали отпуск 1 месяц до родов и 1 месяц после. Врачи делали все, чтобы укоротить срок, и я не доходила своего срока 13 дней, их, как и всем, не добавляли к послеродовому отпуску. И вот через месяц встал вопрос, куда девать ребенка, так как мне надо выходить на работу, а я кормящая мать. Пошла к замдиректора и с рыданиями удалось оформить отпуск за свой счет еще на 10 дней. Молоко сцеживала во время работы в уборной в бутылочку, приносила домой, так длилось почти год.

Днем, пока меня нет, дочку Киру брала женщина из Трубниковского переулкa. Материально мы жили плохо. Мой оклад был 90 рублей, Вава работал на частной машине у доктора Н. А. Куршакова – 70 рублей. За квартиру платили 40 рублей, няня брала 30 рублей. На питание оставалось 90 рублей, причем Христофорова питалась с нами, потому что свои деньги она буквально проматывала за 2–3 дня на «вкусненькое», которое стоило тогда дорого, и

мы оставались, как говорится, при своих интересах. Мне запретили вешать пеленки на кухне, я их сушила в комнате. К счастью, Кира была на редкость спокойным ребенком – по ночам не плакала, а я была всегда начеку, и малейший шорох в ее кровати старалась предупредить, дабы не беспокоить моих строптивых бездетных соседей.

Комната наша была 18 кв. м. Жили вчетвером. Теперь я подхожу к самому страшному – аресту Вавы. Он был прописан у знакомых своей матери в Сокольниках, там была прописка прочная, так как хозяйка квартиры Софья Геннадьевна Моштакoва была депутатом местного совета, партийная, семью Цеханских знала со времен революции и очень хорошо к нам относилась. К нам стал часто приходить участковый Денисенко, здоровенный мужик лет 40, он стал требовать, чтобы Вава получил через начальника милиции право на ночевку у своей жены и родной дочери. Но такое разрешение начальник давал на месяц, на три недели, и каждый раз надо было снова идти на прием. Вава нервничает, все время говорит, что он чувствует, что за ним следят. И вдруг пропадает записная книжка с телефонами и адресами. Нет сомнений, что ее выкрала соседка Мария Ивановна Мятлева, в бывшем опереточная актриса, а в настоящем – осведомитель. Все это казалось мне со стороны Вавы плодом нервного состояния и неустroенности как бытовой, так и материальной.

Примерно за полтора-два месяца до ареста меня вызвал начальник отдела кадров полковник Госбезопасности Ключков и предложил мне уволиться на том основании, что я не справляюсь с работой. Я в полном недоумении – за перевыполнение плана моя фотография вывешена на доске почета – 138% перевыполнение, ко мне очень хорошо относился руководитель группы Алексеев Владимир Павлович, а затем – Поляков. Выясняю, что ни со стороны начальника отдела, ни со стороны руководителя группы никаких жалоб не поступало. Дают место в отделе строительства, к которому я никакого отношения не имею, и я сразу поняла, что оттуда меня просто будет уволить как не соответствующую должности. Я отказываюсь. Тогда ставят вопрос так: либо меня увольняют по сокращению штата, либо по собственному желанию. На устройство дают одну неделю срока. В общем, относятся, как я чувствую, «душевно» – выдают двухнедельное пособие, все это оформляется очень быстро и оперативно.

Инженер Авилов, участник Гражданской войны, человек очень добрый, уже в годах, был начальником группы по проверке ГОСТов на чертежах, он сказал: «Кира, не расстраивайся, я позвоню нашему общему знакомому, который ушел из нашего ЦКБ-17 начальником ОКБ на завод на Яузе, я в свое

время помог устроить его сына в университет, и он мне не откажет». И действительно, когда я пришла к Бирюкову, я просила не оформлять меня на секретную работу, так как у меня маленький ребенок. Он обещал. Специалисты были на заводе очень нужны, и он сказал, что найдет для меня любую работу. Оклад дал 120 рублей, т.е. на 10 рублей больше того, что я официально имела в ЦКБ-17, к тому времени уже ставшем НИИ-17.

Группа наша была небольшая, человек восемь, работа, по существу, такая же, как в НИИ. Я была довольна, и мною, кажется, тоже. Дочке Кире исполнился один год.

Прошла ровно неделя. Мы пошли вечером в кинотеатр «Художественный», пришли домой, легли спать, и вдруг в два часа ночи слышим стук в дверь. Кто-то открыл, слышим: «Где комната Цеханского?» Вава вскочил: «Это за мной». В дверь уже ломились. Вошли три или четыре мужчины в штатском и понятая – дворничиха нашего дома. Ваве предъявлен ордер на арест, который ни я, ни он даже не можем читать, настолько мы ошеломлены. Ваву ощупывают – нет ли у него оружия, предлагают мне собрать вещи – наволочку и простыню. Вава стоит как полотно бледный, я и Христофорова в слезах. Мы прощаемся. Его последние слова: «Шура, не бросай Киру, берегите маленькую Киру». И все. Круг замкнул.

Начался обыск, который при нашей бедной обстановке в 18-метровой комнате ведется с двух часов ночи до семи часов утра. Перетряхиваются все тряпье, просматриваются старые фотографии, письма, простукиваются стены и мебель, даже заглядывают под матрас малышки. Прощупывают подушки. Когда мне надо в уборную, со мной шел один из двоих кагэбэшников, которые ведут обыск. Когда я хотела закрыть за собой дверь, он не разрешил – смотрел, как бы я чего не выбросила в унитаз, либо не покончила с собой. Всю ночь, пока шел обыск, я проплакала. Среди моих фотографий была одна, которую мне дали с Доски почета, где значилось, что я инженер-конструктор и выполнение плана на 138%. Были очень удивлены.

Было чему удивляться: вдруг жена врага народа, а сошла с Доски почета тоже с почетом – выполнение плана осталось же – никуда не пойдешь против этой цифры. Были корректны, если так можно выразиться, когда у тебя роются в белье. Бог с ними, это люди обманутые, и они были глубоко убеждены в том, что имеют дело с политическим преступлением. В 7.30 утра я должна была идти на работу. Малышку Киру оставила на попечении Ал. Христофоровой до прихода няни. Как быть дальше?

Надеясь на то, что все это ошибка, я решила пока молчать. А вдруг Вава вернется? Я в это верила

всем своим нутром, потому что более осторожного в разговорах человека я не знала. Решила, что если через две недели ничего не изменится, то надо подавать рапорт. Иначе невозможно, потому что, если они узнают об этом сами, то обвинят меня в том, что я утаила столь «важное» для них обстоятельство. Буквально в эти же дни (я успела проработать около месяца на этом предприятии после НИИ-17) моего знакомого полковника Бирюкова отзывают в военное министерство, и я остаюсь на заводе фактически без единого знакомого человека, который мог знать меня и как работника, и как человека.

На его место пришел из министерства Леонид Николаевич Спасский. Я его даже ни разу не видела и знакома с ним, естественно, не была.

Дома дела были отчаянные. Как только няня узнала, что В.И. арестован, она просто не пришла. А.Х. через несколько дней после ухода Вавы слегла – инсульт. Положение очень тяжелое. Через две недели подаю рапорт об аресте мужа и здесь же получаю увольнительную. Начальник отдела кадров, полковник КГБ Романов, сказал, что по его инструкции (какой?) он меня держать не может. Я прекрасно понимаю, что куда бы я ни сунулась потом, везде мне будет отказ. Я прошу Романова оформить меня хотя бы уборщицей, ссылаясь на то, что у меня ребенок и старуха, которых я должна кормить, но и здесь получаю «нет». Нет, он не может специалиста использовать как уборщицу.

Положение отчаянное: муж арестован, на руках годовалый ребенок и параличом разбитая старуха, за которой нужен особый уход, с работы выгоняют, прописка у Христофоровой хоть и постоянная, но своей площади у меня нет, значит, если кто-то захочет просто куда-то «стукнуть», меня здесь же выкинут на улицу. Что делать? Хоть петлю вешай на шею. Но я понимаю, что я сейчас ответственна за жизнь каждого, кто остался около меня, значит, если меня не будет, то все развалится.

Сразу возникает бесчисленное множество проблем, но из них надо выбрать главные. Надо побороть в себе отчаяние, страх перед возможным арестом уже меня. Значит, я должна бороться: во-первых, за свое место на заводе и второе – это предупредить всех близких и родственников о Ваве. Маме пишу письмо в Калугу: «Ваву забрали в больницу», – это условный пароль, который я слышала от взрослых, еще будучи девочкой в 20-х и начале 30-х годов. От мамы ниточка потянется к братьям. Татьяне Александровне и Анатолию Болеславовичу Младзаевским я сообщаю об этом, заехав после работы. Все перепуганы, на всех находит какой-то шок, который не позволяет им иметь со мной какое-то общение. Я очутилась как бы в вакууме человеческих отношений.

Итак, в этот же день, как я получила увольнительную, не уходя с завода, я решила идти к незнакомому начальнику (новому) ОКБ (опытное конструкторское бюро). Решила, что свет не без добрых людей – может быть, поможет, потому что завтра у меня прохода на завод уже не будет. Спасский оказался очень хорошим человеком, он успокоил меня и сказал: «Директор наш – мой друг и человек большой души, я пойду к нему сам, а потом вы приходите ко мне сегодня после работы». Прихожу, секретарь говорит, что Спасский у директора, я иду в приемную и вижу, как один за другим в кабинет директора идут: начальник отдела кадров, секретарь парткома, председатель завкома и еще какие-то чины. Через некоторое время вызывают меня. Но что я могу сказать? За что арестован муж, если он воевал, имеет награды, демобилизован был только в 1947 г., т.е. спустя два года после окончания войны? Человек крайне осторожный и молчаливый. Я расплакалась, не смогла себя сдерживать, одним словом, меня переводят в цех, зам. начальника с сохранением оклада в 120 рублей, где я и проработала вплоть до реабилитации Вавы. В материальном плане дела начали как будто поправляться. Я работаю – это уже хорошо, т.е. имею общественное положение. Это в то время было очень важно.

Через Ванду (племянницу Вавы) удастся найти няню для Киры. В детсад не берут, потому что я считаюсь высокооплачиваемой, а ни яслей, ни детских садов не хватает. Няня (Клава) оказалась на редкость честной, чистоплотной и положительной личностью. С ней у меня останутся добрые отношения на всю жизнь, и не только с ней, но и с ее дочерью и мужем. Мне эта семья близка и дорога, потому что Клава, сама того не подозревая, спасла своим присутствием безвыходность моего существования. А у меня начались будни непрекращающегося страха перед каждым, с кем бы я ни говорила – как бы не сказать что-то, что может повлечь за собой недовольство или упрек, которые моментально могут перерасти в донос. Надо искать какой-то источник дополнительного дохода, потому что зарплата в 120 рублей не может покрыть расходов на питание на четверых человек, да еще 20 рублей зарплата няне – Клаве, около 10 рублей коммунальные услуги и непредвиденные расходы. Остается на человека 22 рубля.

Экономить приходилось на всем – даже на черном хлебе. Не могу позволить «Бородинский», потому что он стоит на несколько копеек дороже обычного черного хлеба. И здесь на помощь пришла Елена Петровна Григорьева – давняя знакомая Вавы, живущая в нашем же доме этажом ниже. Она научила меня вязать на спицах. В то время женщины этим видом рукоделия не интересовались, позд-

нее я стала брать заказы. Вязала шапочки, кашне, варежки, носки. В зимние месяцы это давало мне до 50 рублей в месяц, но начиная с марта заказы делать переставали, и я брала работу по оформлению дипломов, как институтских, так и техникумовских. Я не отказывалась ни от какой работы.

Первое лето после ареста Вавы было для меня очень трудным. Киру в ясли не брали. Родственники (Анна Куршакова) вначале взяли ее к себе на дачу. Какое-то время ухаживала за ней мама, но отпуск кончился, и мне предложено было ее забрать. Куда? Вернее, с кем я ее могла оставить? Взяла внеочередной отпуск, одним словом, как-то выкрутилась, тем сложнее было то, что Христофорова лежала пластом, раз в день приходилось менять постельное белье, кормить с ложечки.

У меня до сих пор остается незабываемое чувство, чтобы скорее настал вечер, когда можно будет преклонить голову для отдыха. Это я могла разрешить себе не ранее 12 часов ночи, а в 5 утра я должна была вставать, так как работа начиналась с 7 утра (в цехе), а ехать на работу около часа. О каких-либо развлечениях речи быть не могло, потому что в свободное от работы время я должна была работать дома, чтобы как-то увеличить свой архискудный бюджет.

Это чувство систематического недосыпания ассоциируется у меня с чувством неудержимого голода во время войны, когда я мечтала о том дне, когда мне дадут буханку черного хлеба и скажут: «Ты его можешь съесть весь без зазрения совести», т.е. не думая о том, что кто-то из твоих близких голоден и ты обязана поделиться.

На Лубянке, в здании, где сейчас построен новый корпус-крепость, выходящий на Пушечную с одной стороны, на Лубянскую площадь с другой и на Кузнецкий мост с третьей стороны, в то время (1951 г.) было небольшое двух- или трехэтажное здание, где помещалась приемная НКВД, туда люди, в том числе и я, могли ходить узнавать об участии арестованных. Входя на второй этаж по широкой лестнице, оказываешься в холле, а направо дверь, ведущая в довольно просторную залу, где были установлены жесткие диваны. Приемная всегда была полна, но очередь шла быстро – над дверью, ведущей непосредственно к уполномоченному чиновнику, почти каждые 2-3 минуты загоралась лампочка, и очередной проситель уходил для того, чтобы выслушать: «Да, он у нас, следствие продолжается, больше сказать ничего не можем». Помню, что, когда в первый раз я появилась там, вскоре после ареста Вавы, горе мое было беспредельно, и, увидав несколько десятков людей таких же, как я, я расплакалась. Какая-то женщина подошла ко мне и сказала: «Милочка, ты пришла в первый раз, наверно, а мы ходим уже по

несколько месяцев и уже слез у нас нет – только отчаяние. И вы тоже привыкнете и перестанете плакать». Так и было.

Помню почему-то я ходила аккуратно каждый вторник после работы. И вот однажды, уже в октябре, порывшись в картотеке, чиновник (они всегда были в штатском) сказал, что следствие закончено и Вава осужден на десять лет, место нахождения, вернее, этап – направление Воркута, один из самых страшных лагерей ГУЛАГа.

Спрашиваю: «Где он сейчас?» Ответ: «Не знаю». Аудиенция кончена. Вава легко одет, едет в Заполярье, предстоит зима, значит, надо передать теплые вещи. Но где найти его? И здесь я пускаюсь по всем тюрьмам, которые я знаю в Москве. Начинаю с пересыльной тюрьмы на Красной Пресне, на знаме-

нитой Шелепихе или за ней. Но там, оказывается, только уголовники. Матросская тишина, Лефортово и др. Нет, нет, нет... Наконец, попадаю в Бутырку и нахожу его там. Свидания, впрочем, как и на Лубянке, не дают. Только передать теплые вещи в строгом соответствии с инструкцией, что можно, а чего нельзя. Время отправления в концлагерь держится в секрете. Машины с зачехленными кузовами уходят ночью и подвозят их для посадки в телячий вагон где-то не на вокзале, а в стороне, машина подходит вплотную к двери вагона, и заключенный порой, не ступив на твердую землю, шагает из машины прямо в вагон. Все это объясняют мне женщины, которые всегда все знают. Значит, о свидании даже издали мечтать нечего. Остается одно – ждать письма, если таковое вообще последует.

Примечание

¹ Полный текст был опубликован в книге Т. Местергази «Семь дворянских родов одной семьи: истории и судьбы». Калуга, 2011.

² Фарфоровый завод А. Г. Попова – одно из ведущих фарфоровых предприятий России первой половины XIX в., действовавшее более полувека в с. Горбуново Митинской вол. Дмитровского у. Московской губ. (ныне Хотьково Сергиево-Посадского р-на).

FAMILY CHRONICLES: MEMOIRS OF KIRA VLADIMIROVNA TSEKHANSKAYA SENIOR (1917–2012)

Abstract. These memoirs describe the fates and daily lives of members of the nobility in the post-revolutionary period, as well as the life of one family in the 1950s. Based on biographical data, they present a picture of the struggle for survival of members of a vanished class in new historical conditions.

Keywords: memoirs, noble family, post-revolutionary period, daily life, post-war period, repression.

Authors Info: Tzekhanskaja, Kira V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kiril-la2011@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tzekhanskaja, K. V. 2026. Family Chronicles: Memories of Kira Vladimirovna Tsekhanskaya Sr. (1917–2012). Publication and commentary by K. V. Tsekhanskaya. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 101–119

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

